

Гость из космоса

сценарий фантастического фильма

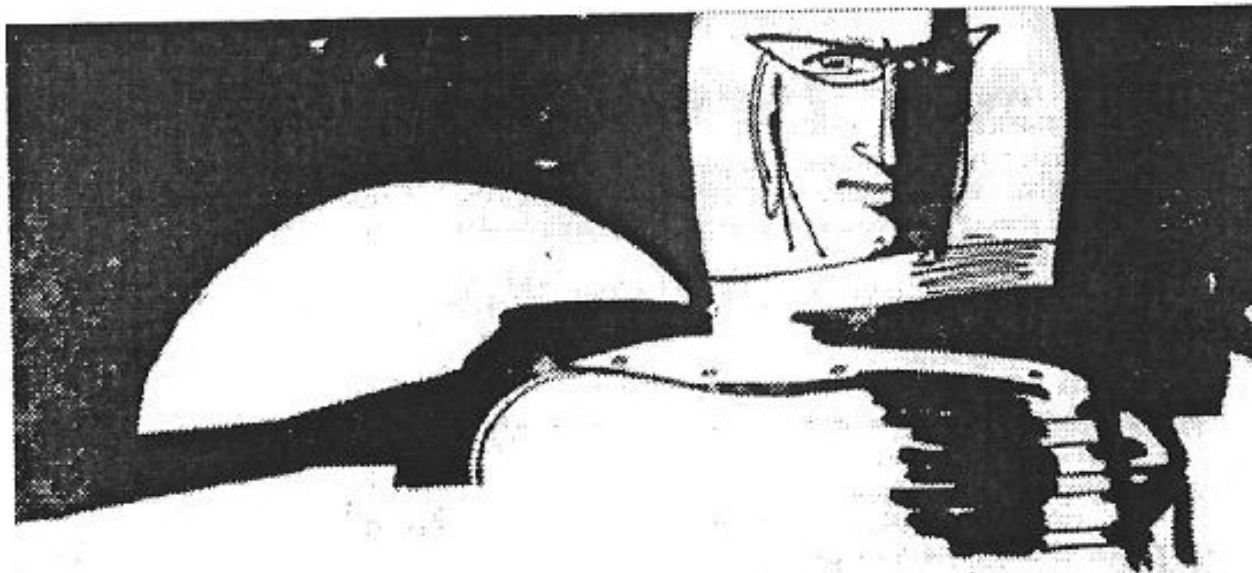

Рис. В. Колесникова

На панорамном экране появляется изображение обычного экрана. Могучие аккорды рояля переходят в октавный пассаж и подхватываются оркестром.

Марка студии.

Потом надпись:

Киножурнал «НАУКА И ЗНАНИЕ»

специальный выпуск.

Снят совместно с работниками научно-популярной кинематографии Франции, Ирана и Латинской Америки, 196... год.

ЗАГАДКИ НАУКИ

На зрителя надвигается цифра «1». Гонг.

Надпись:

Погибшая планета

Звездное небо.

На нем вырисовывается сферический купол обсерватории.

Диктор (на фоне фортепьянной музыки):

— Одна из тайн солнечной системы давно волновала ученых.

Старинный телескоп.

В кресле перед ним сидит астроном в костюме XVIII века. На нем седой завитой парик.

Мультипликационная схема — Солнце обегает девять планет.

— Расстояние планет до Солнца возрастает по строгому закону...

Схема превращается в диаграмму: планеты застывают в верхнем положении, потом сдвигаются в ряд, оказываясь на вершинах столбиков. Пунктирная кривая соединяет их, плавно охватывая Меркурий, Венеру, Землю и Марс, потом делает скачок и снова плавно огибает Юпитер, Сатурн, Нептун и Плутон.

— ...но между Марсом и Юпитером закономерность ломается. Там словно недостает планеты.

Диаграмма раздвигается. Появляется еще один пунктирный столбик, делая кривую плавной.

Диктор продолжает:

— На орбите недостающей планеты между Марсом и Юпитером было обнаружено кольцо из малых космических тел, астероидов...

Наблюдатели у телескопов.

Схема кольца астероидов.

— ...современная наука допускает предположение, что это — осколки когда-то погибшей планеты Фазтон.

На схеме между Марсом и Юпитером — планета.

Вспышка на месте планеты...

...Образовывается кольцо астероидов.

— Большинство астероидов принадлежали ядру планеты, они имеют неправильную форму.

...Скала медленно вращается на фоне звездного неба, освещенная с одной стороны Солнцем.

— Крупный астероид Веста светлее остальных, словно покрыт мелким песком и был частью поверхности планеты.

...Из-под крыла самолета виден песчаный берег во время отлива.

— Некоторые астероиды подлетают к Земле и даже сталкиваются с ней.

Схема орбит астероидов, пересекающих орбиту Земли.

— Тогда они выпадают на нее в виде метеоритов.

По небу, над занесенным снегом селом, проносится светящееся тело, оставляя за собой дымчатый след.

— Но лишь немногие из них находят на Земле.

Воронка, образовавшаяся при падении метеорита. На ее дне лежит дымящийся метеорит — камень неправильной формы.

— Большинство сгорает в атмосфере, падает в океаны или в пустыни.

На стеклянной витрине лежит коллекция метеоритов.

Снова наблюдатель у телескопа, но теперь это уже исполинское сооружение, к которому ведут переходные площадки и лестницы.

Астроном одет современно, в очках без оправы.

И теперь мы понимаем, что голос диктора принадлежит ему:

— Гибель Фаэтона остается загадкой науки.

* * *

Надвигается цифра «2». Гонг.

Надпись:

Исчезнувший метеорит

Над лесом что-то летит, оставляя дымчатый след.

Анкеты Иркутской обсерватории с датами: «1908 год».

Сообщения очевидцев...

Диктор: — 30 июня 1908 года пронесшееся по небу тело взорвалось в Тунгусской тайге. Взрыв был сильнее всех взрывов за все войны, вместе взятые.

Карта Сибири, по ней из Монгольской Гоби с юго-востока на северо-запад движется пунктирная линия. Близ Подкаменной Тунгуски она заканчивается вспышкой.

— Сейсмографы зарегистрировали сотрясение земной коры.

Город с островерхими черепичными крышами и готическими соборами.

Ученый в длинном сюртуке снимает показание сейсмографа.

Сейсмограмма тунгусской катастрофы.

— Под Москвой в полночь фотографировали небо.

Фотография, снятая в полночь в Наровчате.

— В Лондоне...

Подъемный мост через Темзу близ Тауэра.

— ...отметили воздушную волну...

Самопишущий барограф.

— ...обошедшую земной шар дважды.

Вращается глобус.

— Позже советский ученый Кулик нашел в тайге вывал леса на территории, почти равной Крыму.

Двойной экспозицией на экране возникают карта Крыма и карта района Тунгусской катастрофы.

Наплывом карта переходит в документальные кадры экспедиции Кулика. Сменяются картины поваленного на огромной территории леса.

— В центре катастрофы, где метеорит в миллион тонн должен был удариться о Землю...

Мультипликация: в разрезе Земля, растущие на ней деревья.

Падает метеорит, касается поверхности земли. Удар. Взрыв.

В разрезе — образовавшийся кратер, поваленные вокруг деревья.

Фотография каньона Дьяболе — кратера Аризонского метеорита. Указан диаметр кратера — 1200 метров, глубина — 170 метров.

— ...ожидали увидеть километровый кратер, подобный Аризонскому — в Америке...

Документальный кадр мертвого леса в тунгусской тайге.

— ...но в центре тунгусской катастрофы никакого кратера нет, а лес стоит мертвый, с отвалившейся корой и сучьями. Взрыв загадочно произошел как бы в воздухе.

Схема полета метеорита. На этот раз он взрывается над деревьями. Волна ударяет их сверху, оставляя стоять на корню. А там, где удар приходится под углом, деревья валятся.

Перед нами знакомый астроном:

— Никаких воронок, осколков, даже признаков метеорита никто не обнаружил. Что же взорвалось в тунгусской тайге?

* * *

Надвигается цифра «3». Гонг.

Надпись:

Древние посадочные знаки?

Музыка. Има Сумак поет песни древних инков.

Портрет испанского конквистадора в шляпе со шпагой.

Старинная рукопись — мемуары испанского конквистадора о завоевании инков.

Ее перелистывает латиноамериканский ученый с ярко выраженным типом лица, говорящим о примеси индейской крови.

Диктор. Испанские конквистадоры хвастали, что инки приняли их за вернувшихся богов, научивших древних инков жить и потом улетевших на небо.

Повергнутый памятник искусства древних инков. Конквистадор наступил на него ногой.

— Обычаи инков встревожили конквистадора: отсутствие частной собственности, презрение к золоту, обязанность трудиться и бесплатный хлеб всем.

Гравюра — казнь последнего инка.

— Испанцы истребили инков, оставив развалины, свидетельствующие о высоте погибшей культуры.

Части храмов, городских стен, великолепных зданий.

...В небе летит самолет.

Горный ландшафт из-под его крыла.

— Недавно аэрофотосъемка в Андах обнаружила геометрические фигуры, выложенные на километры из светлых камней.

Странные каменные фигуры проплывают под крылом самолета, выложенные на пустынном плоскогорье.

Лежат обветренные тысячелетиями светлые камни.

Слышится звук самолета.

— Существова несколько тысячелетий, фигуры эти столь огромны, что различать их можно только с воздуха...

Латиноамериканский ученый идет вдоль знаков.

— ...они служили или солнечным календарем, отмечавшим дни равноденствия, или же были посадочными знаками...

Латиноамериканский ученый говорит, а диктор переводит сказанные им по-испански слова:

— Что же обозначают эти древние знаки?

* * *

Надвигается цифра «4».

Гонг.

Горный ландшафт Антиливана.

Надпись на фоне этого кадра:

Сооружение титанов

Вступает могучая музыка.

— В районе Мертвого моря в горах Антиливана сохранилась Баальбекская веранда. Холм, на вершине которого стоит Баальбекская веранда с колоннами полуразрушенного храма Солнца.

— Интересен не храм, построенный на террасе тысячелетия спустя, а сама терраса, сложенная из гигантских плит весом свыше тысячи тонн каждая.

Вдоль стены, образованной плитами террасы, идет араб.

В сравнении с человеческой фигурой мы воспринимаем огромный масштаб плит.

— Они не только подняты в сооружении на семиметровую высоту...

Аппарат панорамирует снизу вверх по плитам веранды.

— ...но и доставлены от подножья холма из каменоломни.

Проносится склон горы, снятый с вертолета во время косого спуска.

Древняя каменоломня.

Исполинская, не отделенная от скалы плита на дне.

— Одна из плит так и осталась лежать там.

Даже современным техническим средствам не под силу поднять на гору такую тяжесть.

Такие плиты в пятьдесят-сто раз тяжелее камней, из которых сложены египетские пирамиды.

Двойной экспозицией — египетская пирамида и холм с Баальбекской верандой.

Перед Баальбекской террасой арабский учений. Он творит по-арабски, диктор переводит:

— Какие титаны соорудили эту террасу? Как и дня чего они это сделали?

* * *

Из глубины экрана надвигается цифра «5».

Надпись:

Чей портрет?

Пейзаж каменистого плато Сахары.

Музыка странных ритмов и тембров.

Пейзаж с движения.

— В сердце Сахары французским офицером Бренаном были открыты скопления скал, испещренных древнейшими рисунками.

Издали скалы кажутся городом с улицами и переулками. Вблизи — столбами и руинами.

Но это выветренные камни.

Их отвесные стены покрыты рисунками.

— Последующая экспедиция профессора Генри Лоота обнаружила в этих скалах сокровищницу древнейшего искусства.

Генри Лоот и его соратники.

Один из соратников Лоота показывает скалы.

Изумительные по выразительности и тонкости штриха наскальные рисунки:

Жирафы, страус, антилопа...

Сцена охоты...

Две словно ожившие в жестах чернокожие собеседницы.

Грандиозное красочное панно перехода стада через реку.

Танцовщица с головным убором богини плодородия (Ее называют — Белая дама Сахары).

Красочный рисунок четырех поразительных в своем изяществе женских силуэтов.

— Профессор Лоот насчитал несколько различных по стилю периодов древнего творчества, разделенных между собою тысячелетиями.

Быстрыми наплывами сменяют друг друга:

...Стадо антилоп...

...Две нагие женщины...

...Гиппопотам...

— Древнейшим периодом, отстоящим от нас на шесть тысяч лет, оказался период «круглоголовых», персонажи на рисунках изображались тогда в странных шлемах.

Быстрыми наплывами проходят:

...Панно — круглоголовые в шлемах.

...Круглоголовые — словно в водолазных костюмах.

— Исполина шести метров величиной профессор Лоот назвал «Великим богом марсиан» из Джаббарена, ссылаясь на то, что в наш век мы именно так представили бы себе космических пришельцев.

Наскальный рисунок — «Существо в скафандре», названное Лоотом «Великим богом марсиан» из Джаббарена.

Француз говорит, диктор переводит.

— Любая фантазия рождается опытом. Где мог видеть существо в скафандре древний художник?

Конец выпуска

Фильм "Гость из космоса"

Фрагмент 1

Контурный наскальный рисунок гигантского «Существа в скафандре» остается на экране.

Обычный экран раздвигается до размеров панорамного.

И лишь теперь появляется на фоне этого наскального рисунка название фильма:

Надпись:

Это — фантастическая повесть, использующая, наряду с реальными общеизвестными фактами, вымысел, догадку, предположение, в ней рассказывается о том, чего, может быть, никогда не было, но что все-таки могло и быть.

Быстрыми наплывами:

...Наскальный рисунок существа в скафандре, становясь цветным и объемным, превращается в космонавта, стоящего как бы среди звезд на корпусе корабля...

...Внутренность кабины, наполненной странными, прямоугольными шкалами приборов. Ни одного круглого циферблата. Космонавт в скафандре снимает шлем. Он похож на человека, он — почти человек! Лицо с мужественными строгими чертами, удлиненные очки подчеркивают незнакомый разрез глаз. Высокий лоб переходит в

лишенный волос череп, форма ушей необычна. Он опускается в прозрачное кресло и в отчаянии сжимает голову руками. Появляется другой космонавт. У него такого же типа лицо, испещренное морщинами. Старик властно кладет руку на плечо первого. Тот вздрагивает и оборачивается.

...Два космонавта смотрят в овальное окно. Среди звезд — голубоватый шар, оттененный золотистым серпом.

...Космонавт за пультом. Старик перед аппаратом с бегущей нитью...

...В овальном окне — планета с огромной высоты.

...Окно надвигается. Внизу горы, заросшие лесом.

...Ощущение спуска. Сейчас заденем за верхушки деревьев.

...И вдруг — яркая вспышка. Она отдается в музыке взрывом. Тишина.

В средней части панорамного экрана — установленный в лекционном зале демонстрационный экран. На нем проходят документальные черно-белые кадры:

...Поваленная тайга на склонах сопок. Следы феноменальной катастрофы.

Ни одного стоящего дерева.

...Деревья лежат, вывороченные с корнями.

...Движемся по направлению, которое указывают корни.

...Окруженный поваленной тайгой, стоит странный мертвый лес с деревьями, потерявшими кору и сучья.

Слева на трибуне перед слушателями выступает с сообщением...

...Никита Казаков в форме гражданского летчика, внушительного роста, широкоплечий, статный, с военной выправкой, седеющими висками.

Он говорит со страстной убежденностью:

— Вот он, мертвый лес, в центре катастрофы, вызванной так называемым Тунгусским метеоритом. Мне думается, что в этом «госте из космоса» — разгадка других загадок науки.

На экране появляется наскальный рисунок «Великого бога марсиан» из Джаббарена.

— Не портрет ли это космонавта, изображенного на скале шесть тысяч лет назад? Гул в зале.

На демонстрационном экране Баальбекская веранда.

— И не звездные ли пришельцы, располагая соответствующими техническими средствами, соорудили Баальбекскую веранду?

На демонстрационном экране — вид с воздуха: плоскогорье с геометрическими знаками.

— Кто во времена древних инков выложил в Андах посадочные знаки для космических кораблей? Ответ на эти вопросы, по-моему, — тоже в тайне Тунгусской катастрофы.

Шум в зале.

— Да, да! В тайне Тунгусской катастрофы.

На экране снова мертвый лес.

— Там, где десятилетия назад произошел взрыв, вместо кратера оказался вот этот мертвый лес.

Крупно — деревья мертвого леса, напоминающие телеграфные столбы.

— Он мог сохраниться лишь в случае взрыва в воздухе. Но метеорит без удара о Землю взорваться не мог. Следовательно, метеорита не было.

Гул в зале нарастает. Зрители ощущают себя в центре шума.

Внимательные глаза слушателей. Возмущенное лицо Наташи — научной сотрудницы Метеоритной Комиссии.

— Что же там взорвалось? — вызывающе выкрикивает она.

— Радиоактивное топливо космического корабля. Звездные пришельцы не только посетили Землю, но и погибли, снова пытаясь к нам прилететь.

В зале страшный шум, аплодисменты, выкрики.

Слушатели вскакивают с мест.

Наплыв...

...Газетные заголовки:

ЗВЕЗДНЫЕ ПРИШЕЛЬЦЫ БЫЛИ НА ЗЕМЛЕ?

НЕ СОМНИТЕЛЬНАЯ ЛИ СЕНСАЦИЯ — ГИПОТЕЗА КАЗАКОВА?

НЕВЕЖЕСТВЕННЫЕ ВЫДУМКИ!

МЕТЕОРИТ ИЛИ ПОГИБШИЙ ЗВЕЗДОЛЕТ?

За кадром слышен голос Казакова:

— Да, звездолет! Разве сами мы не готовимся лететь в космос? Над нами мириады звезд. И каждая, как наше Солнце! И вокруг каждого из них — миры.

Панорамный экран разделяется на три части.

В центре — иностранные газеты. Сенсационные заголовки.

Фотографии. Казаков в окружившей его толпе.

Ночное небо. Современная космическая ракета на старте.

Ракета в полете.

Астронавт, надевающий шлем...

Слева — японский астроном профессор Хирокава, маленький седой человек в больших очках. Он сидит за столом. За его спиной полки книг. Он возмущенно встает, раздраженно комкает газету.

Справа французский журналист Лейе, еще молодой человек, щеголь, загородил дорогу прохожим на парижском бульваре, развернув газету, читает стоя. В восторге щелкает пальцами.

Прохожие удивленно смотрят на него.

Слышен голос Казакова:

— В одной только нашей галактике сто пятьдесят миллиардов Солнц. И пусть, как считают, лишь вокруг одного из миллиона этих солнц вращается планета, которая имеет условия, сходные с земными.

На левом экране — вход в Ватикан. Древняя крепостная стена. Прохаживается папский гвардеец, красавец в старинной форме, напоминающей опереточный костюм, в треуголке, со шпагой.

Туристы и монахи читают газеты.

В сопровождении свиты выходит кардинал, направляется к «Кадиллаку».

На правом экране — молодежь Кембриджского университета в парке у деревянного моста, построенного Ньютоном.

Студенты в мягких шапочках и черных мантиях разной длины. Студентки в модных платьях «абажурчиками», многие в строгих очках.

Все возбужденно выхватывают друг у друга газеты.

На центральном экране видны эти газеты, как бы иллюстрирующие фотографиями слова, которые в этот момент произносит Казаков:

—...значит, по крайней мере на ста пятидесяти тысячах планет можно ожидать жизнь, в чем-то похожую на нашу. На какой-то части планет уровень, которого достигло развитие жизни, уровень ее культуры должен уступать земным, но на другой их части он должен быть выше.

На левом экране — кардинал подходит к «Кадиллаку», стоящему у ватиканской стены.

Там ждет пожилой монах, подпоясанный веревкой. Он в грубоплетеной рясе, под которой виден белоснежный воротничок. Это ватиканский астроном Пикарди.

Поправляя золотые очки, он почтительно показывает кардиналу газету.

Кардинал, воздев очи к небу, застывает в молитвенной позе, потом гневно отстраняет газету.

Монах-астроном подбострастно склоняется.

На правом экране — между рядами слушателей Большого зала Московского Планетария, держа газету в руках, пробирается гневный Сергей Федорович Арканов, академик.

Это худой бодрый старик, которому не дать его семидесяти лет. У него впалые щеки и высокий морщинистый лоб...

Казаков на трибуне заканчивает выступление:

— ...да, люди готовятся лететь в космос. Первыми среди землян это сделаем наверняка мы, приоритет нашей науки и техники бесспорен для всего мира, для всего земного человечества... Я не случайно, товарищи, употребил это выражение: «земное человечество». Всем сердцем любят жители Земли свою планету, хотя пока еще далеко не всё на ней благополучно. Что касается нас, советских людей, то мы гордимся тем, что наша страна — первая на Земле установила самый справедливый общественный строй и за нами пошли другие народы! Это тоже бесспорно, хотя кое-кто и пытается безнадежно спорить. Но скажите мне, почему многим из нас кажется оскорбительной самая мысль о том, что разумные существа есть и на иных планетах и что кто-то из них раньше землян мог освоить космос? И, освоив его, мог даже прилетать на Землю?..

Правый экран распространяется налево, вытесняя центральный и левый экраны, он теперь занимает всю панораму. Ряды слушателей планетария сливаются со зрителями кинотеатра.

Академик Арканов подходит к трибуне.

— Вздорность «гипотезы» уважаемого Никиты Андреевича Казакова заключается в том, что планеты нашей галактики разделены безднами расстояний, которые даже свет преодолевает за десятки тысяч лет, а ракеты смогут пролететь лишь за время жизни бесчисленных поколений.

Наташа победно смотрит на Казакова.

Он замечает этот взгляд, ему не по себе, он хмурится.

— Позволено будет спросить почтенного Никиту Андреевича: чье внимание привлечет наша скромная звездочка на окраине галактики? Разве что любителя дешевых сенсаций, который выдает лженаучный авантюризм за «научное мышление»!

Наташе неприятна резкость академика.

У Казакова лицо окаменело.

Нарастает музыка.

Ораторы на трибуне сменяют друг друга.

Мы не слышим уже слов, но смысл нам ясен по жестам и по все более непроницаемому выражению лица Казакова.

Изысканно одетый председательствующий в золотых очках выразительно пожимает плечами и разводит руками, заканчивая дискуссию.

Шум зала со всех сторон обрушивается на нас.

Люди встают, хлопают откидные сиденья, перекликаются голоса.

Словно сдавленные в толпе, передвигаемся мы к выходу, видя Казакова и Наташу. Они — в разных концах зала.

Слышатся реплики то спереди, то сзади нас, то сбоку:

— Разгром...

— Да... Провал!

— Как они все на него навалились!

— А жаль, что это не марсиане...

— Нам сказки не нужны!

* * *

Фрагмент 2

Люди выходят из планетария.

Появляется Казаков. Все с интересом поглядывают на него.

Он смущен, старается не смотреть по сторонам.

Вступает музыка, передающая настроение Казакова.

Казаков шагает по вечерним улицам Москвы.

За ним в отдалении идет Наташа. Им по пути или ее интересует этот человек?

Он выходит на Фрунзенскую набережную. На противоположном берегу в парке культуры крутятся колеса обозрения, взлетают ракеты.

Река заполнена лодками.

Праздник, веселье...

Казаков подходит к парапету, облачивается на него, смотрит в воду, на отблески огней.

Чувствует, что кто-то встал рядом.

Видит Наташу.

Она показывает глазами на противоположный берег, где в воздухе взрывается фейерверк, рассыпаясь снопами искр.

— Совсем как Тунгусский метеорит, — улыбается Наташа.

Казаков хмурится:

— Его не было.

— Зачем вы восстаете... на авторитеты?

— Простите... не знаю вас... Считаете: «Как это он без всяких знаний и — против академика»?

— Он мой руководитель. Я его люблю и уважаю.

— Любите, уважайте, но... Поймите. Новые точки зрения идут от достижений человека. Пока не сделали своего открытия Кюри, никто не объяснял вулканов радиоактивностью. Овладели люди атомной энергией и теперь ядерными процессами объясняют, почему Солнце не гаснет. Достал человек рукой космос, вот и можно думать реально и о наших полетах на другие планеты и о посещении Земли жителями иных миров.

Казаков и Наташа идут по набережной.

— Слишком все у вас просто, — пожимает плечами Наташа.

— Нет, не просто! Очень трудно смотреть на все с новой точки зрения. Можно понять вашего академика.

— Трудно — парирует Наташа. — Надо иметь большую подготовку, а не только искать шумливой известности.

Наташа и Казаков идут сейчас по Крымскому мосту. Видна река, отраженные в ней огни. Вдали — Ленинские горы и силуэт светящегося, словно хрустального Университета.

— Подготовки всегда и всем не хватает, — говорит Казаков. — Об этом можно только пожалеть.

— Пожалеть надо тех, кто вас слушал... и увлекся.

— Да поймите вы!.. Я и хотел увлечь всех равнодушных... увлечь проблемой... Загадкой. Мечтой, черт побери. Понимаете — мечтой!

Наташа останавливается, искоса смотрит на Казакова, говорит уже мягче:

— Вас увлек взрыв Тунгусского метеорита? А вот среди этих звезд, — она показывает рукой на звездное небо, — взорвалась целая планета... Фаэтон. Мы собираем на Земле ее осколки. Может быть, тут тоже ваши космонавты виноваты? — с улыбкой заканчивает она.

Казаков задумывается.

— Я отвечу вам, но... через некоторое время.

Наташа с интересом смотрит на Казакова, изучает. Он серьезен, сосредоточен, собран.

— Через некоторое время? Согласна! — и она встряхивает головой.

* * *

Фрагмент 3

Огромный зал Ленинской библиотеки. Ряды столов. Уютные настольные лампы под зелеными абажурами.

Сидят люди, углубленные в занятия, старые и молодые, с книгами и тетрадями, многие из них, вероятно, завсегдатаи.

Между столами идет Казаков, нагруженный кипой книг.

Некоторые из читающих, замечая его, приветствуют, как старого знакомого.

Кивая направо и налево, Казаков пробирается мимо многих свободных мест, очевидно, к своему обычному, излюбленному.

...Вот он сидит, углубленный в чтение, не замечая ничего вокруг. Перед ним две стопки книг.

Он откидывается на спинку стула. Губы его плотно сжаты, но мы слышим мысленно заданный им вопрос:

— Значит, космонавты не могли залететь на нашу окраину галактики? А как вы считаете, взрыв Фаэтона далеко был виден?

Казаков поворачивается, словно академик Арканов здесь.

В левой, противоположной части экрана появляется снятый двойной экспозицией академик Арканов. Он стоит в той же позе, на той же кафедре.

И он словно отвечает Казакову:

— Очень далеко. Из-за взрыва Фаэтона Солнце на миг ярко сверкнуло.

Казаков встает, опирается на спинку стула, чуть улыбается. Губы его по-прежнему сомкнуты. Он мысленно спорит, вызывая своей позой недоумение соседей.

— Именно на миг! Но, значит, видна была эта вспышка в других солнечных системах?

— Несомненно, — отвечает голос академика.

— Ну вот... Этим и может объясняться прилет звездных гостей. Их привлек взрыв Фаэтона! Они наблюдали его в телескопы... или... как там у них называются соответствующие приборы.

* * *

Фрагмент 4

Обсерватория. Лестницы и переходы с перилами.

Гигантский телескоп.

Перед ним знакомый нам по вступительным кадрам астроном. Он встает с кресла, кому-то уступая его...

Это Казаков.

— Ну, садись, Никита, любуйся сегодня Вестой, — говорит астроном. — И чего она тебе понадобилась?

Казаков смотрит в телескоп.

— Это я, брат, Фаэтон рассматриваю. Единственный уцелевший кусок его поверхности, — отзывается Казаков.

Изображение в телескопе. Светлая точка среди звезд.

— Огромная глыба... 384 километра в диаметре, — замечает астроном.

— Вот ее-то и посетили они в первую очередь! — восклицает Казаков, не отрываясь от окуляра.

— Кто они? — удивляется астроном.

— Звездные пришельцы, привлеченные взрывом Фаэтона!..

— Ну, друг!.. Видно, мало тебе намылили шею за Тунгусский метеорит.

Казаков откидывается на спинку кресла:

— Мне всего мало! Слушай, а каков был этот Фаэтон?

Астроном пожимает плечами:

— Судя по воздействию кольца астероидов на Марс, погибшая планета не уступала ему по массе.

— А ну, покажи... Марс.

— Эх, и неугомонный же ты! — ворчит астроном, орудуя у пульта.

Медленно движется гигантская труба телескопа...

...Останавливается.

...В телескопе — изображение Марса, маленького шарика, плавающего в пустоте.

Слышен голос Казакова:

— Вот он каков был... Фаэтон!

...Шарик в телескопе превращается в бильярдный шар на зеленом сукне.

Казаков играет с астрономом. Тот целится в шар другим шаром.

— А не мог Фаэтон погибнуть от столкновения с другим телом? — спрашивает Казаков, следя за астрономом.

— Не говори ты под руку! — сердится астроном и ударяет шар кием.

Шар летит через весь стол, сталкивается с другим шаром, и оба шара, разлетевшись, падают в две лузы.

— Вот тебе ответ! — с гордостью показывает астроном на шары в лузах. — Осколки космических тел не остались бы между Марсом и Юпитером, — говорит он, вынимая трофеи. — За тобой пиво.

— Ясно! — отвечает Казаков, составляя шары для новой партии.

В горку целится астроном.

— А не мог Фаэтон взорваться изнутри? — спрашивает Казаков.

— Да отстань ты! Дай отдохнуть от небес! — и астроном сильным ударом посылает шар в середину горки, заставив все шары разлететься звездой.

— При взрыве изнутри осколки планеты разлетелись бы вот так же, чуешь? — говорит он, любуясь результатами своего удара. — Обрели бы вытянутые орбиты.

— Ясно, — говорит Казаков, беря в руки шар и задумчиво рассматривая его. — Значит, взрыв произошел на поверхности планеты...

* * *

Фрагмент 5

Бильярдный шар в руке Казакова превращается в кусок метеорита.

— ...на поверхности планеты, с тыльной по ходу движения стороны. Взрыв раздробил планету, но не разбросил осколков, — говорит Казаков, передавая метеорит Наташе.

Наташа принимает метеорит, кладет его на витрину, искоса глядя на Казакова.

— Что нам теперь делать! — с притворным ужасом восклицает она. — Оказывается, вы уже все знаете... даже о взрыве Фаэтона.

Они беседуют в огромном зале, где собрана коллекция метеоритов.

Казаков отрицательно кивает головой.

— Я нашел вас, чтобы поблагодарить.

— Вот как?

— Взрыв Фаэтона не только оправдывает их прилет, но и направляет мой собственный полет.

— Куда? — удивляется Наташа.

— На Весту!

— Безумный человек! Зачем вам Веста?

— Чтобы увидеть то, что не увидите вы на этих крохотных осколках.

* * *

Фрагмент 6

Открытая автомашина в яркий солнечный день мчится по улицам Москвы. Зритель ощущает движение, торможение перед светофорами, переживает за мечущегося пешехода.

На заднем сиденье, вполоборота к зрителям, сидит академик Арканов и рядом с ним стройный, сухощавый, в очках с тонкой золотой оправой, чуть ироничный академик Ларин.

Они продолжают разговор:

— ...великий физик Макс Планк говорил мне, — вспоминает Ларин, искоса поглядывая на Арканова, — что новые гипотезы никогда не принимаются сразу. Или они сами умирают, или же... вымирают их противники.

Арканов даже подскакивает на сиденье.

Шофер резко тормозит перед зазевавшейся старушкой.

— Это что же? Как вас понять? Прикажете мне помирать? — возмущается Арканов.

— Боже упаси! — протестует Ларин. — Вам, дорогой Сергей Федорович, не умирать надо, а отправляться в Сахару для участия в международной экспедиции за Серебряным верблюдом, как именуется интересующий вас метеорит. Вместе с вашей помощницей Горяевой, как вы того пожелали.

Автомобиль въезжает в туннель под площадью Маяковского.

— За это спасибо. Возможности этой многие годы жду. Но еще больше был бы благодарен, ежели вы защитили б меня от наскоков всяких неучей.

— Ну, Сергей Федорович, если вы неучем считаете известного летчика-испытателя, инженера, которого мы пошлем в космос — расширять наши знания...

Автомобиль останавливается.

— Ваше дело, конечно, Игорь Львович, посылать в космос, в Сахару или на пенсию... — обиженно говорит Арканов, поднимаясь, — но и оградить науку от лжегипотез и ненужных сенсаций тоже ваше дело. Пожелаю здоровья, — и он раскланивается.

Ларин обеспокоенно смотрит на него.

Автомобиль трогается.

— В Космический институт, — говорит Ларин.

Фрагмент 7

Огромный двухсветный зал, напоминающий гимнастический.

Он наполнен различными снарядами, на которых упражняются люди. Некоторые одеты в скафандры и шлемы. Они высоко подпрыгивают над пружинной сеткой, имитируя «лунные прыжки».

В углу крутится гигантская карусель.

Прносятся кресла пилотов с пультами перед ними.

В них сидят люди, передвигая рычаги, следя за вспыхивающими лампочками. Они испытывают центробежное ускорение, равное ускорению космического взлета.

В одном из кресел — Казаков в защитном космическом костюме, но без шлема. Лицо его напряжено, покрыто капельками пота.

Подбегает научный сотрудник, отчаянно жестикулируя, требуя, чтобы карусель остановилась.

Движение кабин замедляется.

Облегченно вздыхают тренирующиеся.

Казаков вытирает платком пот.

Научный сотрудник кричит ему, когда он движется мимо:

— Никита! Сам приехал! Тебя требует!..

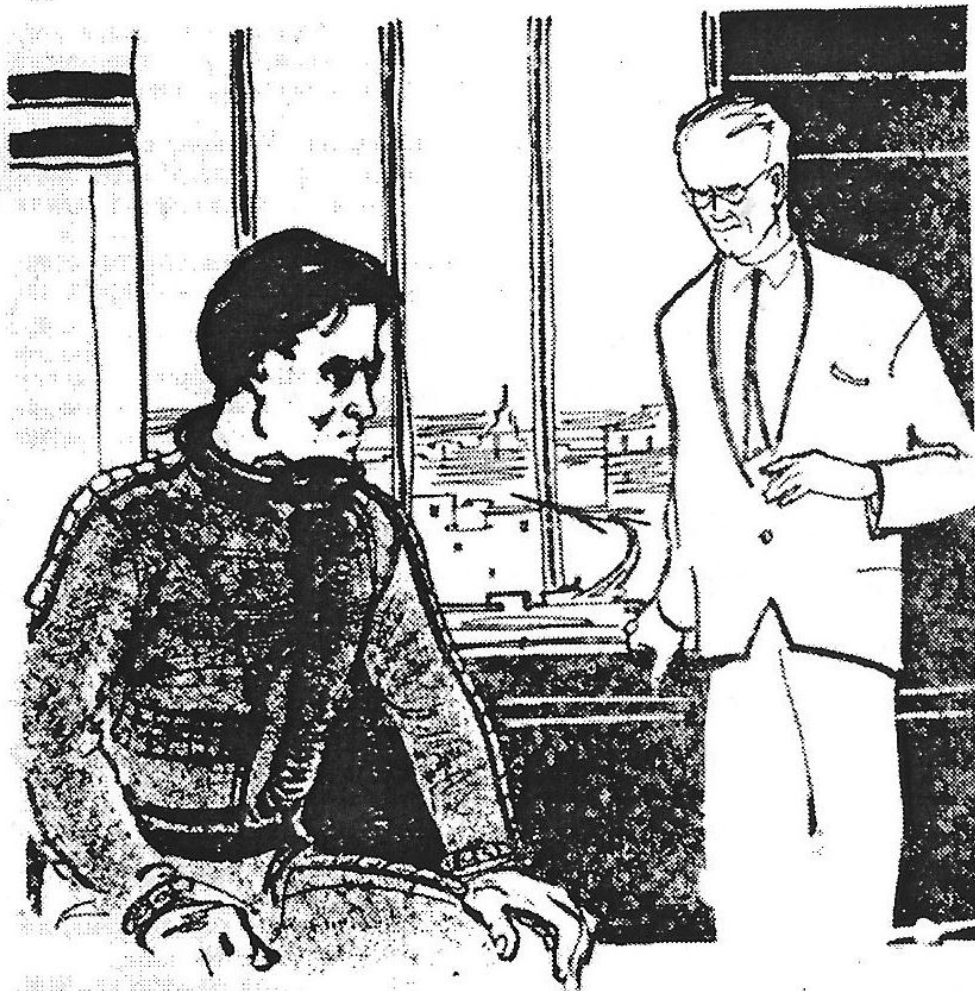
...Мимо тренирующихся на снарядах, со шляпой в руке, с перекинутым через другую руку пальто, безукоризненно одетый, неспешно идет академик Ларин, вежливо кланяясь направо и налево.

Люди прекращают занятия, здороваются с академиком, обмениваются многозначительными взглядами, когда он проходит.

Он направляется к Казакову:

— Здравствуйте. Никита Андреевич! Как чувствуете себя?

— Отлично, Игорь Львович! — рапортует Казаков, соскакивая с карусели. — Программа подготовки к космическому полету заканчивается.

Ларин окидывает взглядом внушительную фигуру Казакова.

— Да, испытания всяческие вы выдерживаете, здоровье у вас завидное. Только о чужом здоровье вы не заботитесь.

— О чужом? — удивляется Казаков, идя рядом с Лариным.

— Ради шумной гипотезы вы ни с чьим старым сердцем не считаетесь.

— Вы об академике Арканове? — краснеет Казаков. — Я не только извиниться перед ним — поблагодарить его готов. Он мне очень помог.

— Одуматься?

— Нет! Что вы! Натолкнул на мысль о взрыве Фаэтона. О Весте, его осколке, куда непременно надо полететь, Игорь Львович.

— Слушайте, Никита Андреевич, да вы просто опасный человек! Вас изучать надо.

...И вот академик Ларин и Казаков в служебном кабинете.

Ларин расхаживает по кабинету. Казаков все в том же неснятом облачении настороженно сидит на кончике стула. Ларин останавливается перед ним:

— Значит, Веста? Ради чего же лететь на нее?

— Ради Земли! Чтобы разгадать, почему взорвалась планета Фаэтон.

— Уж не грозит ли Земле такая трагическая судьба?

— Видите ли... Ведь до того, как мне довелось испытывать наши пассажирские реактивные гиганты, я...

* * *

Фрагмент 8

...Наплывает пейзаж с движения.

Бегут назад поля, деревни.

Двигается автоколонна по благоустроенному шоссе.

Кое-где валяются подбитые танки, перевернутые орудия, разбитые грузовики, сброшенные в кювет.

Во главе колонны — штабная легковая автомашина.

За рулем — майор военно-воздушных сил Казаков.

Вместе с ним офицеры штаба.

Рука Казакова включает радиоприемник.

Сливаются в полосу придорожные кусты. Звучит голос диктора:

— Экстренное сообщение...

Скрипят тормоза.

Казаков невольно остановил машину.

Одна за другой тормозят все машины колонны.

Солдаты соскакивают на шоссе. Бегут к штабному автомобилю.

Разносится над шоссе голос диктора.

Притихли солдаты.

— Взрыв был слышен за сотни километров...

Голос диктора переходит в неистовую музыку.

Слушают столпившиеся солдаты, слушают офицеры в машине, смотрят на радиоприемник. А из него...

...словно выплывают картины взрыва американской атомной бомбы в Японии.

...Огненный столб распускается в небе зловещим грибом.

...Сметены взрывом дома...

...Завалены улицы.

...Перевернуты автомашины и автобусы.

...Всюду трупы людей.

...Бегут несчастные среди развалин.

...Округленные от ужаса глаза.

...Падают люди.

...И тут же умирают.

...Тянутся скрюченные руки.

...Японец. Узнаем астронома Хирокаву. Он держит в руках мертвую девочку. Слезы текут у него по щекам.

Перед ним стена. На ней словно тень сидевшей здесь женщины. А женщины нет... Превратилась в ничто... В отпечаток на стене...

* * *

Фрагмент 9

Академик Ларин стоит перед Казаковым. В его голосе нет больше обычной иронии.

— Ход вашей мысли ясен. Внешняя схожесть атомного взрыва и взрыва в тайге. И вы решили, что в тайге тоже был ядерный взрыв... Теперь вас заинтересовал взрыв целой планеты?

— Я хотел только одного: привлечь внимание к проблеме.

— Идемте.

...Академик Ларин подводит Казакова к межпланетной автоматической станции, монтаж которой заканчивают инженеры и механики в большом зале.

Над монтажным стендом висит фотография обратной стороны Луны, доставленная когда-то первой межпланетной автоматической станцией. Рядом фотографии Марса, кольца Сатурна, снятые через телескоп.

Ларин любовно гладит оболочку станции:

— А что вы скажете против такого помощника?

— Пошлете к Весте? — с надеждой в голосе спрашивает Казаков.

— Первая такая станция доставила нам фотографию обратной стороны Луны. Эта доставит киноплёнку с Весты.

* * *

Фрагмент 10

— Науке нужны факты, Никита Андреевич, потому мы и пришли к вам, — по-волжски налегая на «о», говорит Железнов, молодой физик, коренастый, с университетским значком на лацкане пиджака.

Он стоит, опершись спиной о подоконник. Через открытое окно видна Москва-река, Нескучный сад за ней. По воде идет речной трамвай.

В комнате Казакова, кроме Железнова, — Наташа, студент в очках и еще несколько молодых людей и девушек.

Обстановка комнаты выдает холостяка: по-солдатски заправленная железная койка, чертежный стол, открытые стеллажи, заполненные самыми разнокалиберными книгами в переплетах и без переплетов, на стенах фотографии ТУ-104, других самолетов и стартующей космической ракеты.

Стульев не хватает. Гостям приходится стоять у стены.

Сам хозяин стоит, немного смущенный неожиданным нашествием.

— Нужны факты, — продолжает Железнов. — Мы создадим научно-туристическую экспедицию в тайгу и найдем эти факты. Если вы правы... в отношении ядерного взрыва...

— ...или неправы, — вставляет Наташа.

— То в тайге будет обнаружена... или нет... повышенная радиоактивность.

— Научно-туристическая экспедиция!.. — повторяет Казаков.

— Только не для поимки марсиан, — говорит Наташа, — а для того, чтобы прекратить шум.

— Благодарю, — кланяется в сторону Наташи Казаков — Неужели вы представите в экспедиции «метеоритную пятую колонну»?

— Задача экспедиции — помощь науке, — встает между Казаковым и Наташей Железнов.

* * *

Фрагмент 11

— Туристы в помощь науке!.. Вздор! — возмущенно говорит академик Арканов — Кто только мог додуматься?

В сопровождении Наташи он идет вдоль стеклянной витрины, где хранится богатейшая коллекция метеоритов.

— Они хотят собрать факты в пользу той или иной гипотезы, — объясняет Наташа.

— Собирать факты надлежит, — продолжает Арканов, любовно беря в руки то один, то другой небесный камень, — не на прогулке с рюкзаками.

Он берет метеорит и вместе с Наташей любит им.

— Наука — это подвиг, самоотречение, незаметный труд муравья знания, каковым вам, моя дорогая, надлежит быть.

— Постараюсь, Сергей Федорович, — покорно говорит Наташа.

— Потому вы и отправитесь со мной в Сахару.

— В Сахару? — удивляется Наташа.

— Да. Покуда фантазеры ловят жар-птицу, мы с вами поедем за сахарским Серебряным верблюдом, Наталья Владимировна, и найдем этот серебящийся метеорит, о котором я мечтал, когда вы еще и в школу не ходили.

— Простите, Сергей Федорович, — мнется Наташа. — Дело в том, что я... я не смогу поехать с вами в Сахару.

— То есть как это не смогу? Вы же ближайшая моя помощница!.. Я добился в Академии наук!.. — он растерянно смотрит на Наташу.

— У меня ведь отпуск, Сергей Федорович, — с чисто женской мягкостью говорит Наташа. — Я просто задержалась на два дня в Москве, но уже завтра улетаю с туристами в тайгу.

— С туристами? Солидный ученый... Как можете вы?..

— Сергей Федорович! Район таежной катастрофы — это наше заповедное место. Я не могу пустить туда чужих... без себя.

— Вздор! Хотите повлиять на выводы?

— Да, Сергей Федорович! Безусловно повлияю. Обещаю вам... А в другое время я мечтала бы о Сахаре.

* * *

Фрагмент 12

...А над Сахарой ночь.

Равнина усыпана битым камнем, с которого ветер сдул песок.

Звучит музыка пустыни, протяжная, заунывная.

Поодаль палатка.

Тлеет костер.

На фоне его — силуэт закутанного в просторные синие одежды проводника-туарега. Еще дальше — виллис, а за ним два лежащих верблюда. Не серебряных — живых. И довольно утомленных.

На перевернутых ящиках сидят участники экспедиции.

От палатки спешит перуанский ученый Медера, высокий, с орлиным профилем и гордо посаженной головой.

— Сеньоры! Радио, наконец, заработало и сразу — чрезвычайное сообщение. Взрыв французской атомной бомбы, оказывается, произойдет в опасной близости от нас.

— Проклятье! — возмущается возящийся с киноаппаратом французский журналист Лейе, который и в пустыне остается щеголем в белоснежном костюме и пробковом шлеме.

— Что же думает дитя пустыни? — забеспокоился монах Пикарди, ватиканский астроном. Он все в той же грубоотканой рясе, подпоясанный веревкой.

— Не знаю, что думает туарег, — отвечает Медера. — А я думаю радировать всему миру, что мы остаемся здесь. Пусть наша смерть послужит борьбе против ядерных взрывов.

Японский профессор Хирокава качает головой:

— В вас гордая кровь древних инков, господин Медера, извините. Радиация сделает эту кровь жидкой и белой. Протестовать надо не смертью, нет, а жизнью!

— В знак протеста я заведу мотор автомобиля, — предлагает Лейе.

Академик Арканов молчалив и спокоен.

Неторопливо подходит туарег:

— Я отведу вас в Тассили, в ущелье Джаббарена. Там вы укроетесь от бешеного вестника войны.

* * *

Фрагмент 13

Экспедиция астрономов трогается в путь.

Во всю ширину экрана — пустыня. Справа налево движутся два верблюда.

На переднем раскачивается проводник в синем одеянии.

Позади — виллис астрономов.

За рулем Лейе. Рядом самоуглубленный Арканов.

На заднем сиденье съежившийся Пикарди, горделивый Медера и удрученный японец.

По мере продвижения этой группы, в левую часть панорамного экрана за нею движется шторка, открывающая контрастирующий с пустыней таежный пейзаж.

И как бы следом за верблюдом и виллисом, но не в пустыне, а в густой тайге... идут туристы с рюкзаками.

Впереди уверенно шагает медлительный Железнов...

...Потом Наташа, стройная, как мальчик.

...И вереница юношей и девушек...

...Последним идет Казаков, выделяясь среди всех ростом, сложением, возрастом.

Он пытливо смотрит вокруг.

А за туристами перемещается шторка,

...открывая подмосковный пейзаж.

По шоссе движется грузовик-исполин, накрытый брезентом.

За ним — в открытой автомашине — едет несколько ученых, в том числе академик Ларин, сидящий рядом с шофером.

Теперь действие, сопровождаемое музыкой, идет одновременно на трех экранах.

На левом — меняются кадры в Сахаре:

...Верблюды переваливают через гребень бархана...

...На гребне силуэт виллиса...

...Останавливается одногорбый верблюд, поворачивает его назад туарег.

...Ноги верблюда оставляют следы на песке.

...Верблюд ложится.

...Туарег спешит на помощь ученым, толкающим буксующую машину.

...Зарылись колеса в песок.

...Ученые раскладывают на песке полотна с планками.

На среднем экране — туристы переправляются вброд через таежную реку. Идет проливной дождь.

...Железнов, стоя в воде по пояс, прикрывает плащом радиометр, делает измерения.

Казаков и Наташа отстали. Казаков предлагает руку, чтобы помочь перейти речку вброд. Взявшись за руки, переходят они речку, поглядывая друг на друга.

Грузовик под брезентом и вслед за ним открытый автомобиль видны на третьем, правом экране.

Въезжают на космодром.

Исполинская башня без верха. Это незаконченная монтажом космическая ракета.

Почти в небо уходит решетчатая стрела монтажного крана.

...Брезент сдернут. Видим автоматическую межпланетную станцию, которую собирали в зале.

Кран подцепляет автоматическую станцию.

...Межпланетная станция уплывает в небо.

...Кран медленно опускает ее на ствол ракеты.

Вместе с группой ученых академик Ларин наблюдает за монтажом.

На левом экране — экспедиция скрывается, уходит за экран.

За нею идет шторка, расширяя на эту часть таежный пейзаж.

То же происходит и справа. Шторка скрывает готовую к старту ракету и группу Ларина.

Во весь экран теперь виден пейзаж мертвого леса, заросшего со времени взрыва молодыми лиственницами.

Туристы шагают среди похожих на жерди высохших деревьев, словно воткнутых в землю между живыми стволами.

...Тлеет костер. Около него сидят туристы.

Поодаль стоят Железнов и Казаков.

Железнов пожимает плечами и идет к костру.

Навстречу ему поднимается Наташа, подходит к Казакову.

...Наташа и Казаков идут рядом по тайге. Казаков отстраняет руками ветки, заботясь, чтобы Наташе легче было идти.

— Ну что? — спрашивает Наташа.

— Радиоактивные осадки водородных бомб губили японских рыбаков в Тихом океане. По-видимому, такие осадки выпали и здесь.

— И ядерного взрыва здесь не было?

— Хотите торжествовать победу?

— Как приятно встретить проницательного человека, насквозь видящего врага.

— Не придется торжествовать! Пока счет ничейный. Нет ни следов метеорита, ни следов ядерного взрыва.

— А я не хочу ничьей! — вызывающе бросает Наташа.

Она остановилась около старой лиственницы, чудом уцелевшей когда-то на горном склоне. Дерево резко выделяется среди молодняка.

— Вот очевидец взрыва. Я давно его заметила. И берегла для вас.

— Что же у него спросить? «Как вы ко мне относитесь?» К сожалению, он немой.

— Немой, но живой! Если живой организм пережил такую катастрофу, в нем должен остаться след.

Казаков внимательно смотрит на Наташу:

— Хотите срубить меня под корень?

— Не вас, а дерево.

...Наташа и Казаков пилят лиственницу.

...Другие туристы сменяют их.

...Дерево валится.

...Казаков стоит на коленях, тщательно изучает срез.

Железнов склоняется над ним. Туристы окружили их.

Наташа с загадочной улыбкой наблюдает за Казаковым, стоя чуть в стороне.

Крупно — срез дерева. Автоматическая ручка в руках Казакова отмечает годовичные слои.

— Вот дневник, — говорит Казаков, — дневник, который велся больше трехсот пятидесяти лет.

— Еще при Иване Грозном жила лиственница! — замечает Железнов.

— Вот именно, — задорно подтверждает Наташа. — А как старел мой старичок?

— Странно старел ваш старик, — отзывается Казаков.

— Чудеса какие-то, — подает реплику Железнов.

— Год от года слои становятся тоньше, — показывает Казаков.

Мы видим его автоматическую ручку, передвигающуюся по годовичным слоям.

— А вот здесь слои пошли в десять раз толще.

— А вы проверьте, когда это случилось? — спрашивает Наташа, светясь внутренней радостью.

Казаков поднимает на нее глаза и словно видит впервые. Встает и говорит:

— Да, после взрыва... произошло чудо. Уцелевшие деревья стали расти в десять раз быстрее.

Туристы окружают Наташу.

— Качать ее, качать! — кричит девушка.

— Мы думали, она — пятая колонна! — кричит студент в очках.

— Подождите, — останавливает всех Казаков. — Тут надо кое-что выяснить...

...И снова идут Казаков с Наташей по лесу.

— Почему вы... почему вы искали аргумент... за меня?

— О-о, это...

Наташа смеется...

...и убегает.

Казаков, растерянный, остается стоять, смотрит в чащу, где она скрылась.

* * *

Фрагмент 14

Медленно движется слева направо шторка, открывая пейзаж Сахары. Тайга уходит, постепенно исчезает за рамкой экрана.

Тассили. Каменистое, пустынное плато, кое-где занесенное песком.

Издали видно скопление скал Сефара. Удивительное каменистое образование, похожее на руины древнего города. Прямоугольники кварталов, проведенные как по линейке, улицы и переулки, даже площади!..

Но... это лишь капризы ветров, причуды выветривания.

Перед нами голые скалы. Они высятся столбами и башнями, сказочные, таинственные...

Их вертикальные отвесы образуют ущелья.

В ущелье входят усталые верблюды. На первом — туарег. Второй на поводу. На нем кожаные мешки с водой.

За ними движется виллис с измученными астрономами.

— Полцарства за пятнышко тени! — говорит Лейе, останавливая виллис.

— Здесь на стенах — тени истории, — указывает Арканов на скалы.

Все выходят из виллиса.

— Это скалы Сефара! — восклицает Лейе. — Сокровищница древнего искусства.

Вступает музыка — странные, непривычные для уха тембры.

— Но позвольте, сеньоры! Где же пещера? — беспокоится монах.

— В ущелье Джаббарена, — говорит туарег.

— В переводе с языка туарегов это означает ущелье исполинов, — поясняет Лейе. — Сейчас я вам покажу такого исполина. Давность его шесть тысяч лет.

Астрономы запрокидывают головы.

— Что это? Что? — слышатся голоса.

Теперь и нам виден исполинский рисунок — «Существо в скафандре».

— Исследователь этих скал профессор Лоот назвал его великим богом марсиан.

— Вздор! — сердится Арканов. — Просто обрядовое одеяние жреца.

— Здесь много изображений существ в герметических шлемах и непроницаемой одежде, — возражает француз.

Лейе тащит спутников дальше.

Вот три фигуры в скафандрах. Над шлемами двух высятся какие-то странные решетчатые сооружения.

— Даже антенны! — восклицает Медера.

Пикарди остался у входа в пещеру, зовет всех укрыться.

— Не стоит любоваться языческим божеством, порождением уродливой фантазии, — говорит он.

— Почему уродливой фантазии? — возражает Лейе. — Вольтер сказал, что бог создал человека по образу и подобию своему, а человек отплатил ему тем же.

— Не богохульствуйте!

— А что вы думаете, коллеги! — не унимается француз. — Разве не могли жители иных миров побывать на Земле, скажем, шесть тысяч лет назад?

— Вздор! — отмахивается Арканов. — Между фантазией и наукой должна быть четкая грань.

Разговор происходит уже в пещере, куда укрылись все участники экспедиции.

— Какой-то ваш соотечественник собирается доказать, что где-то в Сибири взорвался звездолет? — обращается к Арканову Лейе.

Арканов молча пожимает плечами.

В светлом проеме входа в пещеру появился силуэт туарега.

— Вы не задумывались, почему боги и пророки всегда с нимбами над головой? И не только у христиан, но и у народов других религий? У египтян, например.

Мелькает изображение святых.

...Мадонна.

...Египетские фрески. Нимбы над головами богов.

— Нимб — это символ святости, — хмурится монах.

— А не изображение ли это шлема скафандра древних космонавтов? Люди считали их богами, пришельцами с неба, пророками.

— Вы мастер рассказывать сказки, мсье Лейе, — старается прекратить разговор монах.

— Великолепно! Эти скалы с изображениями пришельцев вдохновили меня на тысячу вторую ночь Шахерезады, — не унимается француз. — Слушайте!..

Светлый проем входа в пещеру смещается влево. На его фоне видна группа участников экспедиции и туарег.

— Слушайте, — повторяет Лейе.

* * *

Фрагмент 15

А в правой части экрана...

...В нереальной дымке появляются немые, вызванные воображением французского картина.

Они сняты в неожиданном ракурсе, снизу, производя впечатление чего-то необыкновенного...

Изображение наклонно и не совпадает с осью кадра.

...Появляется то же ущелье Джаббарена, но по нему протекает ручей. Берега покрыты травой, в воде отражаются стволы и листва деревьев.

Подвешенный на лианах художник завершает рисунок существа в скафандре. Внизу за его работой наблюдает...

...прообраз рисунка. Живое существо в скафандре.

Подходит еще такое же существо. В общих чертах они напоминают людей, но скрыты непроницаемой одеждой.

Слышен голос Лейе:

— Звездные пришельцы побывали когда-то здесь.

...Недостроенная Баальбекская веранда. Исполинская механическая рука переносит гигантскую плиту из каменоломни на вершину холма, водружает ее на террасу.

Управляет ею космонавт в скафандре, движения руки которого она копирует.

...Красавица царица, возлежа под балдахином, слушает стоящего перед нею гиганта. Шлем его прозрачен, и за ним угадываются мужественные черты, строгие и прекрасные. Своеобразные очки.

Необычайно высок лоб, переходящий в лишенный волос череп, непривычна форма ушей.

Слышна странная музыка.

Перед царицей и ее гостем в струях фонтана танцуют полураздетые рабыни.

В развевающихся одеждах входит маленький царь, порывистый, дергающийся. Истерическим жестом выбрасывает вперед руку.

Рабыни падают и уползают.

Невзрачный царь и звездный гигант.

Несмотря на наличие завитой бороды, в облике царя неуловимое сходство с... Гитлером.

Голос Лейе:

— Царица подсказала мужу, что он приобретет много рабов, если использует для истребления соседних народов огонь, который изрыгает в полете корабль гостей.

...Царица что-то нашептывает присевшему на ее ложе царю.

Царь вскакивает, снова выбрасывает руку.

— Царь требовал, чтобы пришельцы огнем поразили соседнее царство.

...Ракетный корабль стоит на фоне древнего города. Воины окружают его.

Храпят кони...

...Расступаются воины. На золоченой колеснице подкатывает щедушный царь.

...Воины ворвались в кабину управления. Грозят космонавтам мечами.

— Пришельцы знали, к чему приведет безумная попытка царя. Они предупреждали жителей города, чтобы те бежали в горы.

...Гигант и другой космонавт идут по улице, стуча в каждую дверь. За ними бежит толпа людей, насмехаясь и угрожая.

— Но мало кто поверил предупреждению.

...Старик и три женщины в развевающихся одеждах бегут через долину к горам.

— Была в числе беглецов и царица, но не вняла она указанию пришельцев — бежать, не задерживаясь...

Она останавливается у скалы, и тень ее падает на камень.

...Расступаются наполнявшие кабину управления воины.

Торжественно садится в прозрачное кресло царь.

...Вдали контуры города.

На него смотрит царица со скалы.

Вдруг ослепительно вспыхивает скала, противоестественно резко очерчивается на ней тень женщины.

Женщина исчезает.

На скале осталась ее тень, напоминая то, что мы видели в Хиросиме.

Медленно движется шторка, закрывая картину, вызванную воображением Лейе.

...Шторка открывает космодром и готовую к старту космическую ракету.

На переднем плане академик Ларин с группой ученых.

— Смотрите! Смотрите! — кричит профессор Хирокава, указывая на оставшийся в левой части экрана проем пещеры.

Проем надвигается, занимает всю половину экрана.

Над горизонтом взвивается столб ослепительного пара, расплываясь в небе черным грибом.

— Атомная бомба! — восклицает Арканов.

— Молчи, вольтерьянец! — набрасывается на француза монах. — Вот чем ответил господь на твои кощунства!

— Эх, если бы это был сам бог, — с горечью говорит Лейе, — а не генералы...

— Вздор! — перебивает Арканов. — Я не верю ни в бога, ни в звездных пришельцев, но я знаю завет собственного разума людей. Под ним и расписываюсь.

— Рядом с вами подпишутся все, кому дорога цивилизация, — подхватывает японец.

Лейе и Медера делают шаг вперед, как бы становясь в общий строй.

В это время в первой части экрана, отделенной шторкой, академик Ларин и заведующий электронно-вычислительным центром Космического института Горностаев, человек с фигурой спортсмена, с веселыми глазами и высоким лысеющим лбом, наблюдают через смотровое окно за стартом космической ракеты.

— Почему вы сами приехали, Игорь Львович? Расчет траектории полета станции точен. Пройдет вблизи Весты, уверяю, — говорит Горностаев.

— Волнуюсь, дорогой, волнуюсь, — отвечает Ларин. — Мы не просто, запустим ракету в космос, а заглянем в историю нашей солнечной системы — прошлую и грядущую.

— Грядущую? — удивляется Горностаев.

— Да. Грядущее зависит только от нас.

— Даю старт! — произносит следивший за хронометром Горностаев.

Смотровое окно надвигается.

Космическая ракета занимает уже пол экрана.

Из-под нее вырываются клубы дыма, сверкает пламя. Из земли словно поднимается огненный столб, увенчанный ракетой.

Нарастает музыка.

Ракета все быстрее набирает высоту, чуть меняет направление, ложится на курс.

И картина величественного старта вытесняет с экрана картину мрачного взрыва атомной бомбы, где отвратительный черный гриб шапкой накрывал землю...

...В звездном небе летит ракета.

— Ядерный взрыв? — спрашивает Наташа, входя в лабораторию.

Человек в халате резко оборачивается и встает.

Это Казаков.

Наташа садится на высокую табуретку рядом с ним, смотрит на него чуть сощуренными сияющими глазами, потом оглядывает сложнейшую аппаратуру: масс-спектрограф, приборы, провода...

Кроме Казакова, она не видит в лаборатории никого.

— Что можно сообщить нашим яростным оппонентам? — спрашивает Наташа.

Казаков мгновение смотрит на нее, потом пододвигает к себе срез древесины:

— Можете сообщить...

Он искоса смотрит на Наташу.

Она сидит, улыбаясь глазами и не прерывая его:

— ...нашим противникам в научном споре, — не слыша возражений, Казаков воодушевляется, — что годовичные кольца древесины оказались календарем ядерных взрывов.

— Когда же они были?

Видим срез. На нем нанесены даты: 1600 год, 1650 год, 1700 год, 1750 год, 1800... 1900...

— С рождения этого дерева, — говорит Казаков, — и до начала нашего века ядерных взрывов здесь не было. А вот незадолго до первой мировой войны ядерный взрыв в Тунгусской тайге произошел.

Наташа соскакивает с табуретки, подходит к Казакову.

Тот встает.

Наташа смотрит ему в глаза.

Он держит в руках срез дерева, словно защищаясь им.

— Что же оказалось в годовичных слоях? — спрашивает Наташа.

— Долгоживущий изотоп стронций-90.

— Стронций-90! — восклицает Наташа и опускается на табурет.

Она смотрит снизу вверх на вставшего Казакова.

— Вот тебе и метеорит!

Встав с табуретки и приподнявшись на носках, Наташа притягивает к себе сидящую голову Казакова и прижимается к ней щекой.

И почти сразу слышится звон упавшего на пол прибора.

Оказывается, за соседним столом работает смущенный Железнов, одетый, как и Казаков, в халат.

* * *

Фрагмент 16

Визжат тормоза.

С ходу останавливается виллис.

Сидящие в нем астрономы вскакивают на ноги.

— Серебряный верблюд! — восклицает Лейе.

Медера выключает мотор.

В наступившей тишине зловеще трещит радиометр.

Радиометр в руках у Хирокавы.

Молча переглядываются ученые.

— Дальше двигаться нельзя, — произносит японец. — Я знаю это по примеру Хиросимы.

— Проклятье! — вырывается у Лейе.

Арканов, не говоря ни слова, выбирается из машины.

Японец останавливает его, выразительно показывает на радиометр.

— Вздор! — восклицает Арканов. — Не можем же мы повернуть вспять, уже видя знаменитый метеорит?

— К сожалению, он уже недоступен, — заключает японец.

Медера соскакивает на песок. Скрестив руки на груди, становится рядом с академиком Аркановым.

К ним присоединяются остальные.

Молча смотрят ученые на далекие скалы в песках, вблизи которых серебрится недостижимая теперь цель экспедиции.

Туарег уложил верблюдов...

Зловеще трещит радиометр.

— Проклятье вам, господа генералы! — потрясает кулаком Лейе. — Вы задержали нас на пороге открытия, но вам не задержать прогресса, который сметет вас!

В руках у Арканова бинокль.

Через бинокль крупнее видна скала и серебящийся предмет около нее.

Подходит туарег.

— Плохо, старый господин, — обращается он к Арканову. — Отравленное дыхание вестника войны убило моих мехари.

— Надо бежать! — восклицает монах.

— Сжечь все, во что мы одеты! — требует японец. — И лучше жажда, чем... белая кровь.

Трещит радиометр.

...Неестественно вытянув ноги, лежат верблюды.

...Тянется через песок след виллиса.

...Стемнело.

Смутно вырисовывается силуэт виллиса.

Горит костер.

Лейе из кожаного мешка поливает водой Пикарди.

Медера в одних трусах несет одежду монаха и бросает ее в костер.

Костер начинает дымить.

Трещит радиометр.

Закутанный в запасное покрывало туарега, стоит Арканов.

К нему подходит туарег.

— Слушай, старый господин. Твоя великая страна ищет жизнь без бешеных вестников войны. Ты искал Серебряного верблюда, ты так хотел его найти, я знаю!

— Неразумные отравили пустыню, где он лежал.

— Ты уйдешь в свою великую страну, туареги останутся в отравленной стране.

Позволь сделать тебе от них дар.

— Дар? — удивляется академик. — Что это?

— Старики отдали моей матери. Нашли в сундуке, что упал с неба. Мы зовем его Серебряным верблюдом. Нашли в год, когда я должен был родиться.

— Это не камень? — поражается Арканов.

— Нет. Чужой сундук. Жаль, ты не видел. Возьми дар. Дар гневных людей из отравленной пустыни.

— Все больше в мире отравленных мест! — восклицает Арканов. — Пусть эта нить кричит об этом!

И он подходит к костру, в котором сгорает зараженная одежда исследователей, рассматривает полученный подарок.

Он растягивает нить... нить с узелками.

— В путь! — объявляет Лейе. — Дело теперь только в скорости, — и он забирается в виллис.

...Вздымается облачко пыли.

...Взлетает на гребни барханов виллис.

...Тлеет костер с догорающей одеждой.

* * *

Фрагмент 17

— Веста! Начинаю прием с Весты! — объявляет научный сотрудник.

Казаков и Ларин идут мимо ряда операторов радиоприемной института.

Слышны характерные позывные автоматической межпланетной станции.

— Принял автоматическую межпланетную с Весты! — слышится голос из конца зала.

— Веду контрольный прием! — отвечает другой оператор. Панели с сигнальными лампами, верньеры для настройки. Казаков и Ларин останавливаются за креслом первого научного сотрудника, тот оборачивается и показывает на экран.

Большой экран телевизора. По нему пробегают полосы.

...Черное звездное небо... Гигантский силуэт планеты.

В небе летит автоматическая межпланетная станция.

Слышится звук ее сигналов.

...Вращающийся диск с широкой магнитной лентой.

Над аппаратом склонились Казаков и научный сотрудник.

На экране телевизора появляется изображение, оно надвигается, занимая центральную часть экрана.

В черном космосе, на фоне мертвенно пристальных звезд, словно с огромной высоты, видно странное небесное тело. Ощущаются выемки океанов, горные хребты, провалы долин. Край ее отчетливо шарообразен, но сфера срезана, рваный излом свидетельствует, что перед нами обломок когда-то существовавшей планеты.

...Все увеличивается Веста. Приближается странный пейзаж. Кажется, что когда-то здесь существовала жизнь, но потом все вымерло.

Мы словно летим над голыми горами, видим берега бывших океанов, русла исчезнувших рек. Скалы напоминают башни, камни — руины строений.

Телевизионное изображение захватывает уже весь панорамный экран. Мы ощущаем резкий спуск, падение...

Словно летим бреющим полетом.

...Жуткий пейзаж. Что это торчит там и тут? Неужели остатки деревьев? Они отмечают дорогу, ведущую к морю... Но моря нет. Оно исчезло? Вдаль тянется, обрываясь, каменный гребень, похожий на мол...

...И словно каменными плитами облицована набережная.

— Эх, если спуститься, спуститься туда! — восклицает Казаков.

* * *

Фрагмент 18

Ларин и Наташа выходят на летное поле Внуковского аэродрома.

В руках у Наташи букет цветов.

В небе снижается реактивный гигант.

Он касается колесами бетонной дорожки...

...разворачивается...

...останавливается...

Открывается дверца, к которой подкатали лестницу.

В проеме академик Арканов. Он несколько церемонно приподнял над головой шляпу. Стоит загорелый, бодрый.

...Арканов спустился и жмет руки встречающим: Ларину и Наташе. Наташа передает ему цветы, целует в щеку.

...Открытый автомобиль Ларина мчится по Киевскому шоссе из Внукова в Москву.

На переднем сиденье Наташа. Она обернулась к академикам.

— Дело не только в том, что экспедиция сорвана, — с жаром говорит Арканов. — Вслед за тихоокеанскими островами теперь заражается Сахара! А кто сказал, что она необитаема? Политиканы! Вот! Этот дар мне передали люди, которым некуда оттуда уйти!

Арканов вынимает из кармана моток нити.

— Что это? — спрашивает Ларин.

— Неважно! Легенда связывает эту нить с Серебряным верблюдом. Якобы она находилась на нем. Вздор! Но для меня эта нить — протест против ядерных взрывов.

— Я понимаю вас, Сергей Федорович! К сожалению, заражаются не только отдельные участки океана или пустыни. Заражается весь земной шар. Наталья Владимировна измерила повышенную радиоактивность даже в Тунгусской тайге.

— Ах, там? Радиоактивные осадки? Я так и знал. Значит, вы не зря съездили в тайгу?

— Не зря, — улыбается Наташа. — Можно мне посмотреть эту нить, Сергей Федорович?

— Сделайте одолжение, но, пожалуйста, осторожнее. Я очень дорожу ею.

Наклонив голову, Наташа перебирает узелки нити, как четки.

Машина мчится по подмосковному шоссе. Зритель ощущает движение. Лента дороги со спусками и подъемами — прямо перед ним.

По обе стороны убегает назад подмосковные пейзажи: березовые рощи, домики, поля...

— Вот вы говорили о туарегах и о зараженной Сахаре, — начинает Ларин. — А я вот смотрю на эти мирные поля и рощи и думаю...

— О чем? — интересуется Арканов.

— О Фаэтоне.

— Вздор! — отрезает Арканов. — Земле взрыв не угрожает. Наша планета в устойчивом состоянии.

— Не угрожает — со стороны сил природы, — уточняет Ларин.

...И вот Арканов и Ларин уже в служебном кабинете Ларина. Они продолжают начатый в дороге разговор.

— Вы не отвечаете, почему взорвался Фаэтон, — говорит Ларин.

— Припомнился мне Эйнштейн, — говоря это, Ларин встает к сейфу и вынимает из него фотографию. — Видите? Мария Кюри, молодой Эйнштейн, Макс Планк, а там позади: Резерфорд, Ланжевен. Колоссы физики!

Фотография. На ней написано: Брюссель, 1911 год. У доски стоит Мария Кюри в черных перчатках по локоть. Пишет мелом на доске формулу « $E=mc^2$ ».

— Мария Кюри сказала тогда, что своими обожженными руками она обязана энергии, вычисленной по формуле Эйнштейна. Она была первой жертвой радиации.

— Сколько таких жертв потом было! — говорит Арканов, возвращая фотографию.

— Помните испытание американской водородной бомбы у атолла Бикини?

Ларин разворачивает перед Аркановым журнал.

Рисунок на странице — четыре атома водорода превращаются в атом гелия. Рисунок на миг становится мультипликацией.

— Четыре атома водорода превращаются в атом гелия с выделением огромной энергии, — задумчиво говорит Ларин. — Обыкновенная вода становится «горючим». Великие физики видели в этом неиссякаемые ресурсы топлива, предотвращение навсегда возможности энергетического голода...

— Но эту мечту великих извратили, низвели ее до водородной бомбы! — говорит Арканов.

... Страница перевертывается. Фотография водородного взрыва близ Бикини.

— Совершенно верно, — подтверждает Ларин. — Были ученые, которые, как вы помните, протестовали против первого же водородного взрыва, боялись, что...

Ларин стоит теперь перед картиной Айвазовского, украшающей его кабинет. Море на картине, заняв весь экран, вдруг оживает. Волны, разбиваясь о скалы, напоминают взрывы, пена взлетает столбами.

Слышен голос Ларина:

— ...взрыв бомбы в глубине может повлечь за собой цепную реакцию всего водорода, заключенного в воде океана.

— Ядерный взрыв океана... Но это же невозможно! — восклицает Арканов.

Море застыло, превратилось в картину.

Ларин отворачивается от нее к Арканову:

— Вы утверждаете, что такой взрыв невозможен?

Арканов взволнован.

— Утверждать что-либо в отношении Фэтона вообще трудно.

— Вы, Сергей Федорович, всю жизнь изучаете его осколки, метеориты. Скажите, нет ли в них чего-нибудь, говорящего о характере взрыва?

Арканов задумывается.

Ларин достает из стола и передает вместе с лупой в руки Арканова кусок метеорита, отшлифованный с одной стороны.

Арканов смотрит через лупу.

Видим срез с характерными вкраплениями.

— Хондры! — объявляет Арканов.

— Да, капли расплавленного вещества, внедрившиеся в тело осколка, — говорит Ларин.

Арканов пристально смотрит на него.

— Да, это следствие взрыва... но не обязательно — термоядерного.

— А если искать следы такого взрыва?

Арканов порывисто встает.

— Искать? Вот ежели бы ученые всего мира... А что вы думаете? Не отзовутся, не заинтересуются?! Вздор! Это всех касается, всех, кто живет на нашей планете!

* * *

Фрагмент 19

—Алло! Алло! Станция!

В телефонную трубку кричит возбужденная Наташа.

Телефон установлен в зале метеоритов.

— Станция? Примите заказы. Париж, 22-83-97. Мсье Лейе. Токио. Университет. Профессора Хирокава. Перу. Обсерватория в Андах. Сеньора Медеру. Прага... Хорошо, хорошо, я подожду.

Перед Наташей появляется Казаков. Она протягивает одну руку, показывает на стул.

Но он не садится, наблюдая за ней.

В зале суматоха. Взад и вперед снуют научные сотрудники. Уносят и приносят метеориты. Показывают друг другу записи.

— Двенадцать языков, — говорит Казаков. — Столпотворение вавилонское.

Наташа машет на него рукой.

— Да, да!.. Токио?.. Господин профессор Хирокава? Здравствуйте. Академик Арканов желает вам успеха и здоровья. Да, да! Мы связываемся со всеми странами. Единым фронтом исследовать все метеориты, все осколки Фаэтона. Да, да... С точки зрения термоядерного взрыва... да... океанов!.. Мы будем очень признательны. До свиданья.

Наташа кладет трубку, рукой тянется к Арканову, но раздается новый звонок.

— Из Перу? Обсерватория? Сеньор Медера? Академик Арканов благодарит вас... Да, да! Ваши сведения будут очень важны. Мы ждем...

И снова звонок.

— Что? Лондон будет через полчаса? Благодарю вас. Мы будем ждать. Варшава? Соедините меня с Варшавой. И сразу же Прагу...

Не выпуская из рук трубки, Наташа быстро говорит Казакову:

— Никита... Я просила тебя прийти, потому что подумала... может быть, Серебряный верблюд упал в Сахару незадолго до взрыва в Тунгусской...

— Думаешь, они связаны?

— Есть нить... Она у Арканова...

Раздается звонок телефона.

Наташа срывает трубку:

— Варшава? Академия наук?

* * *

Фрагмент 20

Кабинет академика Арканова.

Академик сидит за столом с поджатыми губами, с недовольным выражением лица.

Перед ним на кончике стула примостился Казаков. Он кладет на стол знакомый нам срез дерева с помеченными датами на годовых кольцах.

Академик, морщась, рассматривает срез, потом небрежно отодвигает его:

— Вздор! А я выдвигаю версию, что Земля тогда встретила с ледяной кометой. Ее хвост дал ночное свечение, а миллион тонн льда, мгновенно испарившись в воздухе, произвел в тайге разрушения, не оставив следов. Что вы на это скажете?

— Да откуда мог взяться лед?

Академик величественно поднимается.

Казаков тоже встает.

— Из ледников планеты Фаэтон! А ежели на ней были ледники, то она обладала и океанами и атмосферой. Мы поднимаем на ноги весь научный мир, чтобы разгадать судьбу Фаэтона, а вы... — и академик решительно вручает Казакову взятый со стола срез. — Науке сказки не нужны!

Пряча срез дерева в портфель, Казаков спокойно говорит:

— А ведь мы с вами не противники, Сергей Федорович.

— То есть как это не противники? — удивляется академик. — Мы делаем одно дело, стоим на одних позициях.

— Простите, не знал, — разводит руками Арканов.

— Предполагаемый вами термоядерный взрыв океанов Фаэтона и моя версия взрыва в якутской тайге исходят из одной точки зрения — из обитаемости космоса.

— Наука устанавливает закономерность явлений в эволюции солнечной системы, молодой человек! — торжественно говорит Арканов.

— Но если вы докажете, что на Фаэтоне взорвались океаны, вы должны допустить, что кто-то взорвал в этих океанах водородную бомбу, вызвал цепную реакцию водорода.

Отвернувшись было Арканов резко оборачивается.

— Кто-то? — пораженный спрашивает он.

— Вы сами, — горячо говорит Казаков, — вычислили количество теоретически обитаемых миров в нашей галактике. Так почему же вы отказываетесь видеть в космосе следы деятельности Разума? Следы, которыми мы... быть может, располагаем.

Арканов садится за стол, открывает ящик и достает моток ниток, подаренный ему туарегом.

— Вы имеете в виду это? — спрашивает он, растягивая нить и перебирая узелки.

— В частности и это. Нельзя пропустить ни одной возможности. Даже такой.

— Я не могу расстаться с этим сувениром. Он для меня — завещание против ядерного безумия.

— Завещание? Это вы хорошо сказали, Сергей Федорович! — восклицает Казаков, беря конец нити и рассматривая узелки.

* * *

Фрагмент 21

Казаков держит ту же самую нить и показывает узелки человеку с веселыми глазами и высоким лысеющим лбом. Это Горностаев.

Они в помещении электронно-вычислительного центра института. На стенах — панели, приборы, сигнальные лампы, как на автоматической телефонной станции.

Молчаливые научные сотрудники в халатах священнодействуют.

Казаков сидит за столом с полукруглой выемкой напротив пульта и убеждает Горностаева:

— Видите? Узелки повторяются в разумной последовательности. Здесь скрыта мысль... быть может, мысль чужого Разума. Если убедиться, что это сброшено перед гибелью звездолета...

Горностаев улыбается:

— Дорогой мой! Я обожаю шахматные задачи, но... я знаю ходы шахматных фигур.

— Ваши электронно-вычислительные машины делают чуть ли не миллион попыток в секунду. Разве они не могут расшифровать любой секретный шифр?

Горностаев кивает головой:

— Могут, могут!

— Расшифровали же люди, даже без электронного мозга, египетские иероглифы.

— Э-э, батенька! — восклицает Горностаев и идет к шкафу.

Он возвращается с книгой, которую раскрывает на нужной странице:

— То совсем другое дело. На знаменитом камне одно и то же было написано трижды различными знаками — в том числе известными.

И он показывает фотографию камня с письменами.

Горностаев опускается во вращающееся кресло, откидывается на его спинку, берет в руки нить, качает головой.

— Тут неизвестна даже система понятий!

— А мы верили в ваши машины...

— Машина все найдет.... в конце концов. Найдет и ключ к этому...

— Сколько понадобится времени? — быстро спрашивает Казаков.

— Лет... я думаю... — медлит с ответом Горностаев и вдруг выпаливает: — Сто! — и, подавляя улыбку, смотрит на собеседника.

...Мрачный Казаков идет вдоль панелей с приборами.

* * *

Фрагмент 22

Щелкают контакторы, вспыхивают лампочки, возвращаются искатели. Это автоматическая телефонная станция.

— Алло! Алло! Станция! — звучит знакомый голос Наташи. — Товарищ Самсоновская из Варшавы? Рада слышать вас. Ну, как у вас?.. Токио? Профессор Хирокава? Лондон? Профессор Холмстед? Да, да, мсье Лейе! Сообщайте скорее... Перу!.. Сеньор Медера!

Телефонная станция. Девушки с наушниками.

Быстро двигаются, мелькают руки.

Включения, выключения...

Мигают сигнальные лампочки.

* * *

Фрагмент 23

Экран разделяется на три. Вступает музыка.

На всех трех быстрыми наплывами проходят кадры:

На левом — Эйфелева башня.

...Сорбонна. Толпы студентов.

...Седой ученый в черной шапочке трясущимися руками вынимает из застекленного хранилища метеорит...

...передает его в руки Лейе.

...Лейе заглядывает через плечо хорошенькой лаборантки, занятой исследованиями.

Она оборачивается и отрицательно качает головой.

Лейе сокрушается.

На среднем — Дворец культуры в Варшаве.

Группа польских ученых рассматривает метеорит.

Спорят между собой.

Совершенно очевидно, что полученный результат неблагоприятен.

На правом — студенты в мантиях. Парк Кембриджского университета.

...Лаборатория... приборы... приборы, провода, лампы...

...Что-то сверкает. По экранчику прибора пробегает зайчик.

...Ученый держит в руках метеорит и отрицательно качает головой.

Снова левый экран. Рикша на велосипеде везет повозку.

В ней — профессор Хирокава. Очень озабочен.

Рикша останавливается. Хирокава дает ему мелочь, сам держит, как бесценное сокровище, кусок метеорита.

Снимает ботинки, надевает стоящие у входа туфли.

Быстро вертится полировочный диск.

Хирокава делает шлиф.

На центральном экране...

...горный ландшафт, башенка обсерватории.

На столе разложены метеориты.

У телефона сидит Медера, стучит по рычажку.

На правом экране — стены Ватикана. Купол собора Петра.

Витрина с богатой коллекцией метеоритов.

На ней — монах-астроном Пикарди.

Открывается дверь.

Пикарди кладет метеориты, оборачивается, склоняется.

Величаво входит кардинал.

Пикарди радостно докладывает, делая правой рукой отрицательный жест. Кардинал удовлетворен.

Изображение на правом и левом экране вытесняется шторками.

Перед нами остается только Медера.

— Москва! Москва! — кричит он в телефонную трубку. — Я немедленно вылетаю.

...Зрителю кажется, что он сам поднимается в воздух.

Внизу уплывает башенка обсерватории среди гор.

Вертолет набирает высоту.

В вертолете — Медера.

...Внизу горный пейзаж сменяется пустынным плоскогорьем.

На плоскогорье четко вырисовываются странные геометрические фигуры, выложенные из светлых камней.

Пилот вворачивается к Медере.

— Полюбуйтесь, сеньор! Посадочные знаки древних инков...

Медера через окно фотографирует.

Летит самолет.

...В кресле у окна — профессор Хирокава.

Миловидная стюардесса предлагает японцу взять у него чемоданчик и отнести в багажное отделение.

Хирокава отрицательно качает головой.

* * *

Фрагмент 24

В зале метеоритов за большим круглым столом сидят академик Ларин, рассматривающий два черных метеорита, академик Арканов. Медера и профессор Хирокава.

Наташа стоит за спиной Арканова.

— В вашем лице, дорогие друзья, — говорит академик Ларин, — мне хочется поблагодарить весь научный мир, откликнувшийся на наш призыв. Пусть в ста случаях мы получили отрицательный ответ, но эта два метеорита...

Ларин держит в каждой руке по осколку и осторожно кладет их на стол.

— ...говорят о многом. Об очень многом. По-видимому, мы все-таки имеем дело с термоядерным взрывом океанов Фазтона.

— Взрыв океанов не мог произойти сам собой, — подает реплику Арканов...

— Да, — говорит Ларин. — Кто-то разумный, но впавший в безумие должен был существовать, существовал и сам прекратил свое существование, существование всей планеты, взорвав водородные сверхбомбы в глубине океана...

Ученые переглядываются.

— Могут быть три случая развития цивилизации, — говорит Ларин, расхаживая около стола. — Когда общественное самосознание ведет за собой науку, ставя ее достижения на благо людей...

Последние слова Ларина слышны на фоне сменяющихся наплывов.

...Советский атомный ледокол крушит арктические льды...

...Здание атомной электростанции имени Ленина...

...Линия высоковольтной передачи.

...Залитый огнями город.

...Стартует космическая ракета.

— Второй случай — когда ядерная энергия готова послужить и счастью и гибели людей.

...Летит ракета... казалось бы, к Луне, сияющей на небосводе. Но меняет направление, идет носом книзу.

...И снова город, залитый огнями.

...Взвивается столб клокочущего пара.

— Появись ядерное оружие на несколько лет раньше, и если бы владел им Гитлер...

...Двойной экспозицией — Гитлер в исступлении потрясает кулаками на фоне взрывов, пожаров, уничтожающихся городов, бегущих, падающих, исчезающих людей.

— Не борись сейчас, вдохновляемые Советским Союзом, народы мира против ядерных войн, против замыслов подражателей Гитлера, агрессоров всех мастей...

...Могучая демонстрация в разных городах.

Плывут над головами людей транспаранты — призывы против ядерных бомб.

— ...кто знает, что случилось бы с Землей! — заканчивает Ларин.

Ларин снова берет со стола два метеорита и печально смотрит на них.

— В третьем случае наука в своем развитии опережает общественное самосознание. Так могло случиться на Фаэтоне... Вот в этих двух осколках, в результате воздействия на них водяных паров при гигантских температурах, содержится... вода!

* * *

Фрагмент 25

Наташа и Медера спускаются по широким ступеням старинного дома с колоннами.

— Я потрясен, сеньорита! — говорит Медера. — Многое мне представляется теперь по-иному. Даже история моих предков, инков.

— Которые выложили в горах знаки?

Наташа и Медера идут по шумной улице.

— Да, да! Очевидно, посадочные знаки. А почему древний царь инков вместо прежней письменности ввел узелковую?

— Узелковую? — настораживается Наташа.

— Она сохранилась у индейцев, из племени которых моя мать. Я специально изучал. Числом узлов передаются понятия. А ведь понятия, рождаемые реальной действительностью...

— Подождите! — перебивает Наташа и, схватив его за руку, тащит по улице. — Это же... Вы даже не представляете, как это важно!

Прохожие удивленно смотрят им вслед.

* * *

Фрагмент 26

...Медера сидит за столом вместе с Наташей и Горностаевым, рассматривает нить с узелками.

Горностаев крепко трясет руку Медере.

Наташа со стороны наблюдает эту сцену.

...Из подобия пишущей машинки выходит перфорированная лента.

Научные сотрудники закладывают перфорированную ленту в панель электронно-вычислительной машины.

...Мигают сигнальные лампочки. Слышится размеренное постукивание.

Наплывом — мигают лампочки.

...Бегущая перфорированная лента.

Около панели — глубокое кресло.

В кресле заснул Медера.

Над ним сигналист лампочка.

Подходит Горностаев, садится, мгновение раздумывает, потом будит Медеру.

Медера вскакивает, протирает глаза.

— Ну, как? Получилось? Подошел ключ моих предков?

Горностаев машет рукой и мрачно смеется:

— Я верил в возможности электронного мозга, но способности шутить в машине я не подозревал.

— Электронная дама шутит? — удивляется Медера.

...Около пульта в вычислительном центре: Горностаев, Медера.

Через зал спешит Наташа.

— «Блестящий ответ»! — поворачивается к ней Горностаев.

— Какой? — интересуется Наташа.

— «Мы вернулись»! — смеется Горностаев. — Понимаете? С помощью узелкового кода индейцев можно прочитать начало нити. Космонавты вернулись, прожив, ни много, ни мало, шесть тысяч лет. Прелестная математическая шутка!

Понурился, Наташа идет вдоль панелей вычислительного центра.

Входят Ларин и Казаков.

Наташа, грустная, подавленная, останавливается перед ними.

Она молча смотрит на Казакова.

— Ну, что? — в тревоге спрашивает Казаков.

— Мне так хотелось сделать тебе сюрприз, — печально говорит Наташа.

Казаков сразу понимает о чем речь:

— Расшифровалась нить?

— Получилась нелепица: «Мы вернулись»... Это спустя шесть тысяч лет!..

— Наташа!! — кричит Казаков. — Так это то, чего я ждал! — и опрометью бежит к пульту Горностаева.

Наташа хочет броситься за ним, но Ларин задерживает ее.

— Почему он так обрадован... неудачей? — спрашивает Наташа.

— Сейчас я помогу вам понять Никиту Андреевича, — мягко говорит Ларин, подводя ее к огромному циферблату со стрелкой.

— Не могли же звездные пришельцы пробыть в космосе шесть тысяч лет и вернуться! — протестует Наташа.

— Шесть тысяч лет... по земному или звездолетному? — улыбается академик.

— Ах, вы об эйнштейновском парадоксе времени? Я воспринимаю его лишь как математическую условность.

— Это совсем просто, — уверяет Ларин. — Нам трудно это понять потому, что и чувством и разумом мы ощущаем, что время течет одинаково для всех условий пространства. И это действительно так.

— Так? — поражается Наташа.

— Течение времени абсолютно, но... Что понимать под течением времени? Время — это угол поворота стрелки. Поворачивается она для всех условий космоса одинаково.

По циферблату движется стрелка.

— Но прожитый отрезок времени не одинаков, — продолжает Ларин. — Он соответствует длине дуги, а она различна для разных точек стрелки, для конца ее или для середины. Звездолет, набирая скорость, как бы перемещается по стрелке к центру ее

вращения. А вот Земной шар — всегда относится к концу стрелки. Звездолет летел с субсветовой скоростью. Для него длина дуги у самого центра стрелки ничтожна, в тысячу раз короче. Пока на Земле прошло шесть тысяч лет — на звездолете всего полгода.

— Да, да... — шепчет Наташа. — Значит... они... они действительно могли вернуться?!

* * *

Фрагмент 27

Стена с панелями электронно-вычислительного центра. Что-то мерно жужжит, мигают сигнальные лампочки. Бесшумно на носках проходят возле панелей научные сотрудники в белых халатах. Около центрального пульта сгрудились Медера, Казаков, Наташа, Горностаев.

За спиной зрителя слышится звук открываемой двери, потом шаги по паркету. Хочется обернуться.

Наташа, Горностаев, Казаков оглядываются.

Горностаев делает несколько шагов навстречу.

На экране появляются, как бы прошедшие через зрительный зал, академики Ларин и Арканов.

Горностаев ставит для них стулья.

Академики, а рядом с ними и Казаков, Наташа, Медера садятся спиной к зрителям.

Горностаев нажимает кнопку, и панели раздвигаются, открывая экран.

— Нам удалось не только расшифровать текст на узелковой нити, но и обнаружить на ней запись изображения, которое сейчас вы увидите, — объявляет Горностаев.

...Экран надвигается, занимая всю центральную часть панорамы. В правой и левой части ее видны стулья с сидящими учеными, как бы продолжающие ряды зрительного зала.

* * *

Фрагмент 28

На экране, словно сошедшее с наскального рисунка, существо в скафандре стоит на металлическом корпусе корабля. Космонавт осматривает двигательное устройство. Его

фигурка кажется крохотной на фоне исполинского сооружения, висящего в черном космосе, усеянном немигающими звездами.

...Внутренность непривычно оборудованной кабины.

В кабину входит космонавт с наскального рисунка, он снимает шлем.

Неведомый космонавт похож на земного человека, он — почти, но не совсем, такой же. Мы видели его во вступительной части сценария.

Космонавт опускается в прозрачное кресло, кладет локти на покатый пульт и сжимает голову руками.

Появляется еще один космонавт. У него лицо такого же типа, но испещрено складками возраста. Он кладет руку на плечо первого.

Молодой резко поворачивается, встает.

— Выхода нет, — говорит он, поникнув головой. — Повреждения нам никогда не исправить. Посадить звездолет здесь почти нет надежды.

— Мы слишком много узнали, чтобы погибнуть, — жестко говорит старик.

В кабине показываются еще двое космонавтов с настороженными лицами.

— Кому послужит наше знание! — горько восклицает молодой.

— Разуму, — веско говорит старик, — разуму, ради которого мы покинули не только свою планету, но и свой век, отказались от личной жизни...

— Но не от счастья, — поднимает голову молодой. — Счастье было для нас в подвиге. Кому он нужен теперь?

Старый и молодой космонавты стоят у овального окна, за которым — бездна пугающей тьмы и мертвенное свечение колючих разноцветных звезд. Среди них особенно ярко горит голубоватая звезда.

...Молодой сидит за пультом. Нажимает серповидные клавиши.

Перед другим аппаратом диктует старик.

— ...Пятая из планет в обнаруженной планетной системе была разорвана на миллион кусков. Разум на ней уничтожил сам себя. Это так потрясло нас, что, открыв зачатки цивилизации на третьей планете, мы решили предостеречь ее обитателей, отказавшись во имя этого от возвращения на родную Эоэллу.

...В космосе среди звезд летит звездолет диковинной формы. Он напоминает два волчка, нанизанных на одну ось.

...Овальное окно. Уже не звезда, а маленькая луна, серповидная, в первой четверти, видна в окне.

Старик держит в руках катушку, говорит космонавтам:

— Находясь в другом масштабе времени, мы дождались расцвета Разума на третьей планете. Пусть из-за повреждения нет у нас надежды посадить звездолет. Даже если мы погибнем, мы сбросим на планету, в то место, где побывали, письма, изображения, наконец, вот эту запись того, что увидели на месте пятой планеты.

На овальном экране сзади старика появляется...

...снятая с высоты Веста. И вот существа в скафандрах, изображенные на скалах Сахары, стоят теперь среди руин разрушенного города.

...Осматривают мертвый порт...

Скова овальное окно. В нем виден:

...Излом, по которому оторвалась Веста от планеты.

... Старик обращается к невидимым слушателям:

— Братья по разуму! Пусть никогда на вашей планете знание не будет служить убийству, гибели, катастрофе! Никогда!..

Экран в вычислительном центре гаснет.

В глубокой задумчивости Ларин произносит:

— Они совершили благородный подвиг ради нас и погибли, так и не узнав, что мы сами пришли к тому же выводу, сами решили не допустить катастрофы.

Казаков поднимается.

— Жизнь свою посвящу тому, чтобы достичь Эоэллы и передать, что Разум на Земле победил, и люди труда, жители коммунистической планеты, а такой она и станет, сумели обуздать агрессоров и, в конце концов, уничтожили самый источник возникновения любых войн, в том числе и ядерных, — капиталистический строй с его барышами, добываемыми кровью, с его пропагандой расовой ненависти, с его колониальными грабежами. Земляне понесут миссию Разума во Вселенную...

Наташа, потрясенная всем происшедшим сейчас, смотрит на Казакова счастливыми глазами.

* * *

Фрагмент 29

...Гигантский космический корабль «Победа коммунизма» словно приподнимается на огненном столбе и устремляется в небо.

Среди черного звездного неба за звездолетом фантастической формы остается светлый сверкающий след.

Звучит голос Казакова:

— На экране должно бы сейчас возникнуть слово «конец». Но, может быть, все это только — НАЧАЛО?

* * *